

дера он заключает свои пессимистические размышления о возможной гибели современной цивилизации следующим образом: «Одно утешает меня — то, что с падением народов не упадет весь род человеческий: одни уступают свое место другим, — и если запустеет Европа, то в середине Африки или в Канаде процветут новые политические общества, процветут науки, искусства и художества» (I, 363). Карамзин развивает, таким образом, теорию циклического развития человеческой культуры, воспринятую им, возможно, через К. Ф. Вольнея, о книге которого («Руины, или Размышления о революциях империи») он высоко отозвался в «Московском журнале».¹²

Важно, однако, что в представлении Карамзина вершины отдельных циклов оказываются на разных уровнях, в совокупности образуя восходящую линию: Клопшток ставится выше Гомера, Платон при сопоставлении с Кантом кажется «младенцем». Характерно в связи с этим и отношение Карамзина к спору «древних» и «новых». В «Московском журнале» публикуется перевод рецензии на сочинение Г.-Э. Гроддека «О сравнении древней, а особливо греческой, с немецкою и новейшею литературою». Автор рецензии, поддерживая идеи Гроддека, восстает против неопровержимости авторитета древних: «Но разве сочинения наши суть не что иное, как копии древних? И разве древние без всякого исключения могут быть для нас оригиналами?» Старый спор приобретает новое решение: речь идет не о предпочтении «древних» или «новых», а об «обстоятельствах, в которых образовалась поэзия древних и наша поэзия» (II, 91). Эта идея оказывается, по-видимому, очень созвучна и Карамзину, стремящемуся уже в этот период постигнуть своеобразие античной культуры.

Одним из свидетельств этому опять-таки может служить описание встречи с Гердером в «Письмах» Карамзина. По поводу стихотворения Гете «Моя богиня» Гердер говорит «русскому путешественнику»: «Это совершенно по-гречески». «Гердер, Гете и подобные им, присвоившие себе дух древних греков, — пишет Карамзин, — умели и язык свой сблизить с греческим. . . ни французы, ни англичане не имеют таких хороших переводов с греческого, какими обогатили ныне немцы свою литературу. Гомер у них Гомер; та же неискусственная, благородная простота в языке, которая была душою древних времен, когда царевны ходили по воду и цари знали счет своим баранам» (I, 174—175).

В представлении Карамзина дух древней культуры неотделим от языка, отражающего ее важнейшие особенности. Литература древней Греции с ее пленяющей простотой воспринимается как начальный этап в развитии эстетического сознания человечества.

В связи со сказанным возникает другой вопрос, как нам кажется, принципиально важный для понимания исторической кон-

¹² Московский журнал, 1792, ч. V, кн. 1, с. 150—151. См.: Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина, с. 130.